

**ГРУППОВОЕ СОБРАНИЕ КАК ИНТЕРАКТИВНЫЙ РИТУАЛ:
ПРОИЗВОДСТВО КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА
И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ
В «АНОНИМНЫХ» СООБЩЕСТВАХ ВЗАИМОПОМОЩИ**

Деятельность сообществ взаимопомощи, работающих по программе «12 шагов», является предметом междисциплинарного изучения с позиций разных теоретико-методологических перспектив. Нарративный анализ представляет собой один из наиболее авторитетных подходов к объяснению личностных изменений и формирования идентичности членов сообществ, исследуя их через взаимосвязь нарратива сообщества и индивидуальных историй, а сами организации взаимопомощи — как «нормативные нарративные сообщества». Вместе с тем большинство исследователей в этой области игнорируют отношения разных аспектов и факторов в работе сообществ. В статье представлен альтернативный подход — социологическая теория интерактивных ритуалов Р. Коллинза, применение которой в исследовании сообществ «Анонимные Наркоманы» и «Анонимные Семьи» позволило изучить эффекты регулярных групповых взаимодействий, сопряженности интерактивного процесса с дискурсивно-нарративными практиками и эмоциональными реакциями. Основное внимание в статье уделено анализу группового собрания, организация которого способствует формированию «культурного капитала» членов сообщества как комплекса коллективных символов и представлений программы и «эмоциональной энергии», чувства солидарности и энтузиазма. В статье групповое собрание рассматривается как важный компонент терапевтического механизма сообществ, а «культурный капитал» и «эмоциональная энергия» — как основания трансформации идентичности участников и интернализации программной идеологии.

Ключевые слова: *микросоциология, взаимодействие, интерактивный ритуал, эмоциональная энергия, культурный капитал, нарратив, сообщества взаимопомощи, реабилитация.*

«Анонимные» сообщества взаимопомощи: основные характеристики

Прототипом всех «анонимных» сообществ взаимопомощи, в основе которых лежит программа «12 шагов», стало сообщество «Анонимные Алкоголики» (АА).

Прозорова Юлия Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института РАН (Санкт-Петербург) (yulia.prozorova@gmail.com)

Prozorova Yulia — Candidate of Science (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia (yulia.prozorova@gmail.com)

История возникновения сообщества, первые группы которого возникли в США в середине 1930-х гг., гласит, что его отцами-основателями стали два американца, Билл Уилсон и Роберт Смит, страдающие от алкогольной зависимости и безуспешно борющиеся с ней. Однажды они помогли друг другу оставаться трезвыми, заменив выпивку беседой. В этом нарративе содержатся два базовых принципа работы сообщества — *взаимопомощь* людей, страдающих общей проблемой (принцип «равный — равному»), посредством *регулярного общения*.

Все сообщества, возникшие после АА, в том числе и «параллельные» сообщества для созависимых — родственников, друзей и т. д., обладают общими характеристиками: анонимность / конфиденциальность, регулярные собрания, групповая структура, общая идеология и принципы деятельности, отраженные в программе «12 шагов», «12 Традиций» и т. д. (Анонимные Алкоголики 1991а-д).

С момента появления первых групп «12 шагов» в 1930-х гг. феномен «анонимных сообществ» и групп взаимопомощи не переставал привлекать внимание исследователей. Особое внимание исследователи уделяют анализу различных аспектов деятельности «анонимных» сообществ, играющих роль в реализации ключевых терапевтических задач. Так, Л. Кёртц (Kurtz 1990) выделяет несколько факторов, которые в группах взаимопомощи способствуют достижению терапевтического эффекта: процессы поддержки (эмпатия, единство); информация и образование («когнитивные инструкции» и «рефрейминг восприятия ситуации»); формирование идентичности («реконструирование позитивной идентичности индивидов с ярлыком девиантности»); членство и сообщество (группа предоставляет «целую социальную сеть», в которой ценность общности выше анонимного индивидуализма).

М. Левайн (Levine 1988) выделяет несколько аспектов поддержки: чувство общности; «идеология как философский антидот»; возможность признания, открытость, катарсис; демонстрация ролевых моделей; обучение стратегиям совладания с проблемами в повседневных ситуациях; сеть социальных отношений.

Л. Келли (Kelly 2003: 653–654), резюмируя результаты различных исследований о механике воздействия 12-шаговых групп, выделяет два типа переменных — интраиндивидуальные (частота посещения собраний, мотивация, техника совладания) и интериндивидуальные (включенность в дружескую сеть взаимопомощи, работа над шагами, наличие спонсора).

П. Анц (Antze 1976) исследовал идеологию АА* как комплекс программных позиций, которые являются оппозиционными установкам человека с проблемой зависимости. Н. Ронел (Ronel 1998) рассматривает само сообщество «Анонимные Наркоманы» как субкультуру, играющую посредническую роль

* Большинство исследований посвящено изучению сообщества АА, однако, учитывая тот факт, что его организационно-идеологические компоненты были заимствованы другими сообществами, некоторые результаты исследований, касающиеся идеологии, программы и принципов работы АА, можно экстраполировать и на другие сообщества.

между девиантной субкультурой наркоманов и доминирующей социокультурной средой.

Г. Бейтсон, анализируя программу АА, отметил, что ключевой для нее концепт Высшей Силы связан с трансформацией эпистемологии, определяющей комплементарный паттерн отношения индивида с внешним миром и «другим», в котором индивид — часть чего-то большего, чем его собственное «Я» (Бейтсон 2000).

В качестве фактора выздоровления* исследовалась духовная составляющая — «спиритуальность» программы 12-шаговых групп, придающая смысл и цель человеческой жизни (Prezioso 1987; Galanter 2007). «Анонимные» сообщества не являются религиозными организациями, подчеркивая свой секулярный внеконфессиональный характер. Однако ввиду того, что они являются «ценностно-ориентированными» «организациями, изменяющими идентичность», которые предлагают своим членам готовые смыслы и интерпретации, а также учитывая идейную связь основателей АА с Оксфордским движением и ключевое для программы понятие «Высшая сила», некоторые исследователи отмечают их сходство с религиозными структурами. Так, АА признается «квази-религиозным» сообществом, поскольку «напряжение между сакральным и секулярным является ключевым для его функционирования» (Rudy, Greil 1989), а его структура и деятельность находят некоторые аналогии в сектантских организациях (Jones 1970).

Одним из наиболее оригинальных и продуктивных подходов в этой исследовательской области является нарративный анализ, в котором особое внимание уделяется изучению риторики программы и взаимосвязи нарратива сообщества и личных историй, отражающих изменения в идентичности участников. Согласно Д. Раппапорт (Rappaport 1993), процесс конструирования идентичности в сообществах взаимопомощи не следует рассматривать как результат особого «лечения», напротив, он аналогичен тому, что имеет место в семье, школе, профессиональных группах и различных свободных ассоциациях. А. Рафалович выделил три фазы трансформации идентичности в группах АН через «нарративную среду» — идентификация (осознание своей связи с остальными членами сообщества, объединенными общей проблемой — болезнью), рефлексия (формирование собственной идентичности выздоравливающего наркомана) и работа (по шагам, реализация принципов выздоровления) (Rafalovich 1999).

В рамках нарративного подхода рассматриваются рассказы, свидетельства, выступления, личные истории и т. д. (Cain 1991; Rappaport 1993; Rafalovich 1999; Humphreys 2000; Swora 2004). Нарратив сообщества — это история, многократно рассказанная среди членов сообщества и описанная в программной литературе. Например, в группах «Анонимные Наркоманы» нарратив сообщества отражен в «Базовом тексте», в котором представлена информация о сообществе,

* В 12-шаговых группах болезнь (зависимость) признается неизлечимой, поэтому понятие «выздоровления» описывает не конечную фазу «лечения», а непрерывный процесс личностных изменений. «12 шагов» — это программа «духовного роста», «духовного пробуждения», «духовного выздоровления» (Galanter 2007).

его членах, кто такой зависимый, каково его поведение и основные принципы духовного преобразования. Кроме этого, Базовый текст содержит личные свидетельства — истории болезни и выздоровления членов сообщества, достигнутого благодаря работе по программе. Личная история индивида, то, как он оценивает себя, интерпретирует события и поступки, постепенно изменяется, все более соответствуя нарративу сообщества. Именно с этим исследователи связывают трансформацию идентичности членов сообщества.

Риторика «12 шагов» как программы духовного преобразования структурирована как «риторика трансформации в религиозном исцелении» и включает в себя три части: риторику predispositions, риторику перепоручения и риторику трансформации (Swora 2004). Риторика predispositions (шаги 1–3): признание бессилия, необходимости излечения и принятие идеи Высшей Силы, могущественной и исцеляющей. Шаги 4–9 содержат риторику перепоручения, когда индивид испытывает на себе действие исцеляющей силы — перепоручение себя Высшей Силе, происходит изменение оценки и интерпретации своих прошлых поступков через самоанализ, формирование «новой идентичности» и т. д. Последние три шага — риторика трансформации — утверждают дальнейшую последовательную работу — через самоанализ, обращение к Высшей Силе, молитвы и т. д.

Особое место в программе «12 шагов» занимает «интерактивность» — акцентируемая в программной литературе важность участия в групповых собраниях. Собрания играют ключевую роль в достижении личностных изменений участников и в воспроизводстве самих сообществ. По мнению Н. Дензина, группы существуют посредством собраний, а изучая собрание, вы исследуете группу AA (Denzin 1993: 259).

Проведенные исследования демонстрируют важную роль посещения групповых собраний в процессе выздоровления (Kissin, McLeod, McKay 2003) и связь интерактивной групповой системы с генезисом феномена поддержки (Roberts et al. 1991).

Большинство подходов к изучению сообществ взаимопомощи и «анонимных», в частности, носят редуционистский характер и не объясняют взаимосвязи различных факторов (интерактивного, эмоционального, дискурсивного и т. д.), организационных и идеологических аспектов в деятельности сообществ. Учитывая значимость регулярных групповых взаимодействий, которая подчеркивается в самих сообществах, одним из важнейших исследовательских вопросов остается роль интерактивных практик в «механике» выздоровления.

Теоретико-методологические основания исследования

Использование теории интерактивных ритуалов Р. Коллинза как аналитического подхода позволяет по-новому интерпретировать интерактивный процесс и роль групповых взаимодействий в процессе выздоровления и в структуре «анонимных» сообществ (см. Прозорова 2012). Отметим основные положения теории.

Интерактивный ритуал обладает следующими характеристиками: физическое присутствие двух или более индивидов; представление участников о гра-

ницах взаимодействия; общий фокус внимания и взаимная ориентация на фокус внимания другого / других; общий, разделяемый всеми участниками, эмоциональный фон, настроение, опыт (Collins 1993: 206–209; 2004: 48). Здесь можно добавить еще две переменные — ситуацию и событие (Collins, Hanneman 1998: 220). Данные переменные, вступая во взаимодействие между собой, определяют ход интерактивного ритуала и его производные, результаты.

Основные производные интерактивного ритуала: культурный капитал; групповая солидарность, чувство групповой принадлежности; эмоциональная энергия индивидов; репрезентирующий группу символ, который становится для индивидов сакральным объектом; чувство моральности (Collins 1988: 193, 357; 2004: 49).

Находящийся в центре взаимодействия в фокусе внимания участников объект, тема, идея, понятие, индивид и т. д. репрезентирует общность людей, это символ группы, с которой может идентифицировать себя индивид. В ходе сфокусированного взаимодействия формируется общий культурный капитал — разговорно-символический репертуар, комплекс групповых символов, которые производятся и актуализируются во взаимодействии, идентифицируя индивида как члена группы. Культурный капитал представлен двумя переменными — сходство культурного капитала и количество культурного капитала (Collins, Hanneman 1998).

Чем чаще индивид принимает участие в высокоэмоциональных интеракциях, организованных вокруг этих коллективных символов, тем более сильные связи формируются у него с группой и тем актуальнее для него идентичность члена этой группы. Эмоционально заряженные коллективные символы и общий культурный капитал способствуют быстрому установлению общего фокуса внимания, что, в свою очередь, определяет формирование высокой эмоциональной энергии — чувства солидарности, энтузиазма, общности.

С помощью симуляционной модели были сформулированы аксиоматические принципы взаимодействия компонентов-переменных и определены различные сценарии интеракции, обусловленные исходными переменными (Collins, Hanneman 1998; подробнее о модели взаимодействий в «анонимных» сообществах см. Прозорова 2012: 64).

Наш анализ был ограничен изучением кейсов — двух групп сообщества «Анонимные Наркоманы» (АН) и группы сообщества «Анонимные Семьи» (АС) в Санкт-Петербурге. Эмпирическую базу исследования составили наблюдения еженедельных открытых собраний и юбилеев в двух группах АН, а также включенные наблюдения еженедельных групповых собраний (в том числе спикерских), юбилея и неформальных интеракций «заднего плана» (чаепитий) в группе АС. Дополнительным источником эмпирических данных стали глубинные интервью с членами указанных групп и анализ программной литературы.

Групповое собрание как интерактивный ритуал

В деятельности сообществ можно выделить два компонента — идеологический (совокупность положений программы «12 шагов», принципов и основ выздоровления, представлений о болезни и поведении зависимого и т. д.) и интерактивный — регулярные групповые взаимодействия, которые поддержива-

ют сообщество и способствуют тому, что его члены приобщаются к новым программным представлениям, понятиям, формам интерпретации и т. д. «Изменения в чувствах, установках, поведении происходит тогда, когда индивид интернализирует и использует идеологию, которая предлагает полезную интерпретацию личной ситуации индивида» (Levine 1988: 178). Аналитический фрейм теории интерактивных ритуалов позволяет исследовать роль практикуемых в сообществах взаимодействий в усвоении идеологического комплекса программы. Принятие идеологии опосредуется участием в групповых интерактивных ритуалах.

Регулярное общение с носителями аналогичной проблемы — программный принцип, а не факультативное действие. Групповое собрание является основной и исходной формой взаимодействия в «анонимных» сообществах, восходящей к истокам движения. Регулярные собрания — родовая характеристика групп «12 шагов», через них реализуется принцип взаимопомощи через общение (Алкоголики о себе 1997; Собрания сообщества АН... 2014). Следует отметить, что ключевые компоненты сценария группового собрания — совместная «молитва о душевном покое», поочередное прочтение вслух Шагов и Традиций и т. д. — являются составной частью большинства взаимодействий, практикующихся в сообществах, в том числе юбилеев отдельных групп*, собраний Местного и Регионального комитетов обслуживания и т. д.

Основные принципы организации групповых собраний отражены в регламенте и традициях собраний (в АН и АС регламент собраний почти идентичен). Организация групповых собраний основана на принципах, необходимых для реализации «успешного» интерактивного ритуала, в котором оптимизируются производные, актуальные для индивидуальной трансформации и воспроизводства сообщества. В общих чертах эта технология может быть представлена следующим образом: объединить в определенном месте и в определенное время индивидов, обладающих сходными характеристикам и опытом, организовать их интеракцию вокруг актуальной темы таким образом, чтобы каждый был включен в нее, создавая тем самым единый интерактивный ритм. Остановимся подробнее на элементах и условиях группового собрания как интерактивного ритуала.

Групповое собрание представляет собой взаимодействия индивидов в формате *соприсутствия*, время, место и частота собраний заранее определены. Физическая среда, *физическая экология* собрания — изолированное помещение, пространственная организация которого позволяет наблюдать обоюдные реакции, что способствует установлению синхронизации реакций и интерактивного ритма. Собрание — определенный интерактивный фрейм с повторяющимся сценарием, регламентом и ведущим.

* Программа 10-летнего юбилея одной из групп АН состояла из трех частей: открытое собрание, спектакль и розыгрыши, неформальное общение. Открытое собрание, темой которого была «Благодарность группе X», по структуре и организации соответствовало типичному групповому собранию. Празднование 5-летнего юбилея группы АН представляло собой собрание с последующим чаепитием и неформальным общением.

Каждый выступающий начинает с представления, что вместе с изолированностью пространства и часто радиальным расположением участников определяет *границы взаимодействия*. В собраниях предопределен *общий фокус внимания* и взаимная ориентация на фокус внимания других. Внимание всех участников собрания сосредоточено на темах, определенных на день собрания, и выступлениях других участников, которые затрагивают опыт и проблемы, актуальные для каждого члена группы, и вызывают эмоциональную реакцию.

«Анонимные» сообщества «12 шагов» объединяют людей с идентичной проблемой, которая определяет специфику их *культурного капитала* и «символического репертуара». Гомогенность состава групп упрощает интеракцию и взаимную идентификацию участников. Чем больше общих тем для взаимодействия, чем более релевантны для участников обсуждаемые вопросы и выступления других, тем проще им поддерживать сфокусированность и общее эмоциональное состояние. Как отмечает Коллинз (Collins 2004), индивидов привлекают те ситуации, в которых они могут наилучшим образом использовать ранее приобретенный культурный капитал и символические ресурсы для того, чтобы сфокусировать речевую деятельность и породить дальнейшую солидарность.

В ходе собрания формируется *общий эмоциональный фон*, настроение, опыт как реакция на слова выступающих и темы, которые они затрагивают. Сфокусированное внимание и общее эмоциональное состояние способствуют установлению *ритмической координации и синхронизации*, которые определяют формирование *эмоциональной энергии*. В случае групповых собраний это означает эмоциональную трансформацию участников, чувство единства, солидарности, положительную эмоциональную связь с программой («перезарядка групповых символов») — чувство энтузиазма, мотивированность, готовность меняться.

С ритмической координацией и синхронизацией связаны такие организационные элементы собрания, как совместное прочтение молитвы вслух в начале собрания, поочередное чтение всеми участниками 12 Шагов и 12 Традиций сообщества, общее приветствие и аплодисменты выступающему, поочередность высказываний, смех, а также ритуальные компоненты собрания — члены группы в конце собрания встают в круг, берутся за руки и произносят слова молитвы, что является завершающим аккордом синхронизации. Правила проведения собраний запрещают перебивать, комментировать и т. д., что поддерживает и охраняет интерактивный ритм.

Сходство и объем доступного культурного капитала, эмоциональные реакции на выступление и собственная эмоциональная трансформация способны поддерживать на протяжении собрания сфокусированность внимания, синхронизацию и координацию.

Культурный капитал и эмоциональная энергия

Культурный капитал и эмоциональная энергия являются ключевыми производными группового собрания, которые связаны с формированием новой идентичности и принятием программных представлений. Групповое собрание — это интерактивный ритуал, в котором индивиды имеют возможность продемонстрировать сходство культурных капиталов, усиливающих их идентифика-

цию с группой и чувство общности. Темы собраний и содержание выступлений участников соотносятся с общим культурным капиталом, что стимулирует большую вовлеченность участников в интеракцию.

В культурном капитале членов изучаемых сообществ можно выделить две составляющие — *до-групповой культурный капитал* (определяется идентичным опытом зависимости (АН) или созависимости (АС) до прихода в сообщество) и *групповой, программный культурный капитал* (определяется общностью тем, проблем, связанных с опытом выздоровления, ознакомлением с программной идеологией, и т. д.). Например, до-групповой культурный капитал членов АН основан на сходстве опыта химической зависимости и включает в себя сленг, шутки, истории о проблемных отношениях с членами семьи, опыте стигматизации и т. д.*. До-групповой культурный капитал участников собраний АС представляет собой репертуар тем и нарративов, связанных с опытом жизни с химически зависимым членом семьи, другом и т. д.

Сходство до-группового культурного капитала облегчает «вхождение» новичка в сообщество, идентификацию себя с другими участниками, обуславливает сфокусированность внимания во время собраний, эмоциональную реакцию на выступление других и постепенное приобретение группового культурного капитала, который можно рассматривать как результат успешных интерактивных ритуалов. До-групповой разговорный капитал определяет актуальность нарратива сообщества, который содержит описания типичных проблем, историй до и после прихода в сообщество и т. д.

Процесс трансформации идентичности и восприятие себя как «анонимного» / члена сообщества и «выздоровливающего» тесно связан с интернализацией идеологии и формированием группового культурного капитала, при этом собрание является интерактивной средой, в которой символы сообщества постоянно акцентируются. Собрания стимулируют утверждение новой идентичности, в частности, через характерный для сообществ формат представлений «Привет, меня зовут..., я — наркоман / зависимый / созависимый**», чтобы «*помнить, откуда я пришел*» [И***. I, АН], через чувство сопричастности с другими — «*схожестъ увидеть в том, что я не одинок в своей болезни, в проявлениях своей болезни, т. е. я не изгой и я не уникальность*» [И. II, АН].

Темами, обсуждаемыми на групповых собраниях, могут быть положения и представления программы (Ежедневник, Шаг, Традиция, Девиз и т. д.), а также проблемы болезни и аспекты выздоровления. Особое значение имеют слога-

* Свидетельством сходства до-группового культурного капитала можно считать содержание и образы спектакля, приуроченного к 10-летию одной из групп АН, — сленг, шутки, образы, представление о «типичном наркомане». Смех и аплодисменты являются индикаторами установившейся ритмической синхронизации и общего эмоционального состояния.

** Согласно идеологии групп, признание проблемы — первый шаг на пути к выздоровлению. Признавая себя наркоманом или созависимым, индивид имплицитно признает свою проблему.

*** Здесь и далее И. — информант, в скобках указан номер и сообщество.

ны и афоризмы сообщества, отражающие его идеологию. Участвуя в групповых взаимодействиях, члены сообщества овладевают «программным» языком — категориями, терминами, сленгом, которые становятся частью их дискурса.

Групповой культурный капитал составляют девизы, понятия, формулировки Шагов и Традиций сообщества и т. д., составляющие набор групповых символов, которые используются членами сообщества в объяснении своих прошлых и настоящих поступков, состояний, биографических событий и ситуаций. Программные положения и элементы идеологии сообщества могут включаться в рассказы отдельных эпизодов из жизни. Например, в словах, обращенных к новичкам, часто рассказывается личная история прихода в группу, на первое собрание, повествующая об опыте, впечатлениях, состоянии, о своих текущих достижениях, контрастирующих с тем, что было до прихода в сообщество. Эти истории демонстрируют рефлексию, новое видение и интерпретацию участником своего прошлого поведения через инкорпорирование группового нарратива в личные истории (Cain 1991; Humphreys 2000; Rappaport 1993; Ronel 1998).

Использование в выступлениях отдельных понятий как символов сообщества и коммуникативных кодов свидетельствует о трансформации идентичности участников. Среди таких символов, например, «Высшая Сила», «отрицание», «дно», «выстроить границы», «спасательство», «отделиться с любовью», «жесткая любовь», объяснение происходящего проявлением Высшей Силы, использование девизов и т. д. В группах АН выступающие используют обороты «это моя болезнь», «это наркотское», «я больной человек», «моя наркомания» и т. д., объясняющие события их жизни и поступки. Между членами АН циркулируют специфические понятия, шутки, присказки — «накосячить», «быть в гумозе», «писать полотенце», «кто молчит — тот торчит», «давай деньги, жди здесь», «ВС рулит [Высшая Сила — Ю. П.]» и т. д.:

«Например, есть такое выражение, ты говоришь: “Слушай, мне это не нравится”, а тебе говорят: “Побудь с этим”. Вот это принадлежность к культуре, я считаю. Это терапевтно-программная тема — побудь со своими чувствами, побудь наедине со своими чувствами, там подумай, проанализируй, потом прими решение. Вот есть такая тема — побудь с этим. “Ты меня бесишь” — “да побудь с этим”. Это фишка такая, то есть это не сленг, понятно только людям, т. е. это нам понятно.... Типа “давай денег, жди здесь”. Ну это такая чисто наркотская тема. Есть такой приколы — все понятно» [И. П., АН].

Кроме того, программный культурный капитал формирует общее понятийное пространство повседневного дискурса членов семьи, которые принадлежат к «параллельным» сообществам (АН и АС), что упрощает их коммуникацию.

На примере понятия Высшей Силы можно продемонстрировать, как программные концепты «встраиваются» в нарративы членов сообществ. Идея Высшей Силы — один из ключевых символов программы. Эта идея не связана напрямую с конвенциональной религиозной трактовкой, поскольку «анонимные» сообщества не являются религиозными. Дополнение к Третьему шагу* «как мы

* 3-й Шаг: «Приняли решение перепоручить нашу волю и нашу жизнь Богу, как мы Его понимали» (Как это работает? 2001).

его понимаем» говорит о том, что каждый волен приписывать этой сущности индивидуальные характеристики. Такая свобода интерпретации часто привлекательна для «новичков», кто знакомится с программой и начинает по ней работать. *«Для меня программа, чего я там выискал — то, что меня там никто не обязывает верить в бога, в дьявола. А просто “как мы его понимаем”, хоть это будет лампочка, хоть это будет веник»* [И. I, АН].

Высшая Сила воспринимается участниками по-разному. Например, традиционно — как идея христианского Бога: участники отмечали свои слова-обращения к Высшей Силе, Богу, посещение православных храмов, иногда общение с православными священниками. Некоторые участники, будучи до программы атеистами и агностиками, придя в сообщество, принимают идею Бога, но это может быть «личный Бог» — *«это что-то такое — мое любящее и заботливое. Всё. Это Она, это наверху, скорее всего, потому что мысленно туда обращаюсь, и это что-то, что обо мне заботится»* [И. I, АН].

Идея Высшей Силы сопряжена с представлением о более могущественной силе, чем индивидуальная, личностная. Типичным завершением выступления на групповых собраниях АН являются слова *«спасибо, благодаря Богу и вам, я чистый / трезвый»*. Восприятие химически зависимого как неспособного противостоять и контролировать употребление, принимающего свое бессилие, но при этом полагающегося на помощь Высшей Силы, — установка программы, противопоставленная представлению зависимого человека. *«Когда я посмотрел на свою жизнь, я понял, что совершал одни и те же действия ... они приводят меня к одному и тому же результату. Произошло принятие того, что я бессилён ... Это осознание на уровне принятия. Я не могу пойти и употребить один раз и хорошо себя чувствовать, выздороветь. Нет. Вот не могу. Опыт мой говорит о том, что у меня это не получится»* [И. III, АН].

В выступлениях членов группы АС прослеживаются следующие сюжеты:

- оправдания и объяснения происходящего проявлением Высшей Силы, божественной предестинации: *«испытания, которые мне посылает Бог — через них надо пройти и вынести уроки»* [С*. IX, АС]; *«Отделиться довольно трудно, но Бог сам создает такие ситуации ... благодаря Богу у меня сын такой, а сын заставляет меня творчески перерабатываться»* [С. VIII, АС];
- благодарности Высшей Силе: *«Так что спасибо, в общем-то, Господу, что сын у меня химически зависимый. В общем-то не за что, а почему, поэтому я очень благодарна ему. Благодарю Бога, что он привел меня на собрания»* [С. VIII, АС];
- обращение к ней в повседневной жизни: *«в трудных ситуациях, в которые я попадаю, для меня стало нормой обращаться к Высшей Силе, и первое, что приходит — это ответ Высшей Силы ... никогда не подводит»* [С. IX, АС].

Прямым обращением к Высшей Силе являются молитвы (например, «О душевном покое»), которые всегда произносятся в начале и в конце групповых собраний. Кроме этого, молитвы практикуются в повседневной жизни, представляя собой специфическую практику, характерную для членов «анонимных» сообществ.

* Собрание. В скобках указан номер в полевого дневнике и сообщество.

Таким образом, участники собраний обладают не только высоким уровнем *сходства культурного капитала*, но и большим *объемом доступного культурного капитала*, что позволяет им использовать символы и затрагивать темы, которые за пределами сообщества, в другом социальном контексте, могут стигматизировать их носителя. В ситуациях интеракции с индивидами, обладающими другим культурным капиталом, наркоман / созависимый должен контролировать свою презентацию, «*надевать маску*». Собрание — это ситуация, в которой отрабатываются формы взаимодействия. «*Группа — некий тренажер для того, чтобы строить взаимоотношения*» (И. IV, АН). В социально-драматургической перспективе групповые собрания представляют собой взаимодействия «заднего плана», где индивиды могут вести себя более открыто, не боясь нанести урон своему «лицу» и репутации, что является фактором доверия и солидарности (Goffman 1967; Denzin 1993: 267): «... *Мы похожи, но это все идентификация — понимание того, что я такой же, как все, он такой же, как я, что мои страхи — такие же страхи, как страхи других людей. Это все идентификация и самоопределение на здесь и сейчас. То есть я не могу говорить на работе там о каких-то вещах, о которых я могу говорить на группе или в кругу анонимных, которые меня поймут ... Я многого не могу при других людях, я не могу там, я вот даже сейчас с друзьями общался, я могу там как удобно там шутить, мы друг друга понимаем, использовать идиоматические выражения, которые мы понимаем. Я не могу их использовать в разговоре на работе, они у меня вылетают, я чувствую опасность, безопасность моя нарушается при этом, задаются вопросы какие-то, еще что-то. Понимаешь, я там все-таки в панцире таком небольшом, а тут я свободен*» [И. III, АН].

Одним из ключевых эффектов интерактивного ритуала является эмоциональная вовлеченность, которая непосредственно сопряжена с общностью группового культурного капитала и комплексом символов, ассоциированных с программой и сообществом. Эмоциональный эффект собраний выражается в индивидуальной эмоциональной разрядке, сходных эмоциональных реакциях на темы и выступления участников и «эмоциональной энергии» — чувстве солидарности, социальной связи и общности, энтузиазма, уверенности в себе, интенции возобновить интеракцию (Collins 1990; 2004; Summers-Effler 2002). Эмоциональная энергия возникает вследствие «эмоциональной координации», которая устанавливается между участниками взаимодействия, имеющими общий фокус внимания и охваченными общим эмоциональным состоянием и ритмической синхронизацией.

Идентификация себя с членами сообщества, чувство принадлежности группе, благодаря общему культурному капиталу, использованию понятных, объединяющих участников вербальных символов, позволяет преодолевать состояние социальной изолированности и исключенности, повышает уровень открытости и эмоциональной вовлеченности. В ходе интервью некоторые информанты отмечали, что до своего прихода в сообщество, находясь в критическом состоянии («*было плохо*», «*свет померк*», «*отчаяние*»), испытывали острую потребность «*высказаться*», «*выговориться*», «*выпустить пар*», и, встретив на собрании людей, которые имели схожий проблемный опыт и говорили о нем, испытывали эмоциональное облегчение: «*Мне кажется, человек может понять*

другого человека, если он имеет такой же опыт. Понимание моих проблем — одно из важнейших, потому что до программы не было людей, которые меня понимают. То есть, фактически, я был один» [И. I, АН]; «Здесь [на собрании] всегда услышишь то, что необходимо... Только здесь вы можете сказать то, что вы не скажете нигде, только здесь вы можете услышать то, что вы нигде больше не услышите» (обращение к новичкам) [Н. IX, АС]; «Никто нас не может понять, кроме таких же, как мы» [И. VII, АС].

Участие в собрании изменяет эмоциональное состояние и настрой члена группы, нивелирует негативные опасные состояния: «Бывает, приду на группу — мне плохо, сижу пятнадцать минут и чувствую прилив энергии, сил и хорошего настроения» [И. I, АН]; «Могу прийти, не желая туда идти, и уйти оттуда просто воодушевленным» [И. III, АН].

Один из выступающих на групповом собрании отметил, что он «давно не был на группе», но придя на собрание, почувствовал, что происходит какая-то «магия, настроение резко повышается» [Н. XIX, АН].

Высказывания, как и просто присутствие на групповом собрании, способствуют эмоциональной трансформации участников — они «выравнивают», способны менять негативное эмоциональное состояние на позитивные эмоции. Существует установка, что важно выступить, «проговорить» свое состояние (особенно для новичков): «Как бы чувства вынимаются из меня, что называется, “выравниваюсь”. Если я говорю о жалости к себе, о злости, о ревности, о негативных чувствах разрушительных — это как бы выравнивается, то есть, я делюсь с группой» [И. II]; «Я сижу на группе, высказываются в это время, я понял, что мне стало полегче, но я знаю, что если я выскажусь, мне станет еще круче» [И. I, АН].

В сообществах есть понятие «эмоционально подключиться», сопереживать, испытывать эмоции (негативные и положительные), которые вызваны словами и выступлением другого: «...многие проблемы, они близки в независимости от возраста, социального положения, образования, семейного положения, т. е. многие вещи, они близки, это дает возможность сопереживать, это важно» [И. IV, АН].

Индивидуальный опыт выздоровления является важной темой собрания или выступления — девиз «Держись победителей» призывает следовать опыту выздоравливающих, «впереди идущих». Выздоровление является ключевым символом сообщества, фоновой темой большинства собраний и выступлений. Позитивный опыт выздоровления напрямую связан с членством в сообществе и «работой по программе» и становится фактором положительной эмоциональной ассоциации с программными символами. Информанты отмечали, что когда другие высказываются о том, как применение программных принципов изменило их жизнь, это «открывает новые горизонты», порождает веру в программу, ее эффективность, а главное — энтузиазм, уверенность, воодушевление, готовность усваивать эти принципы и применять их в своей жизни: «Позитивный опыт других, поддержка стимулируют изменения. В основном у меня настрой — приду на группу, получу положительный заряд, увижу людей, которые хотят меняться. Хожу два года и вижу меняющихся людей и понимаю, что меняюсь сама — это заряд» [И. VII, АС].

Спикерские собрания, на которых один или несколько членов сообщества рассказывают о своем опыте выздоровления, играют особую роль в эмоциональной перезарядке групповых символов.

Интегральным эффектом группового собрания является чувство солидарности (Denzin 1993: 214–215), сплоченности, общности как аспекта эмоциональной энергии. Солидарность проявляется в представлении, что «здесь все, как я»; групповой идентичности — «мы — зависимые / созависимые/ «анонимные»; сходстве опыта; взаимной поддержке и сопереживании другим; оценке себя через чужой опыт и высказывание о нем. Индикатором солидарности является осознание членами групп, что они объединены не только общей проблемой, но имеют общие цели и интересы: «*верю в силу коллективного собрания*», «*один в поле не воин*», «*направленность сообщества на незримом уровне*», «*у нас у всех общие проблемы и цели*» [И. VI, АС]; «*У нас одна болезнь, одна цель*» [И. III, АН]. Здесь солидарность возникает вследствие совместной деятельности и коллективной ориентации индивидов на выздоровление, при этом каждый одновременно является и заинтересованным лицом и тем, кто способствует достижению общей цели.

Эмоциональная энергия переносится из одного интерактивного ритуала в другой посредством эмоционально «заряженных» символов, и может быть актуализирована через обращения к ним. В сообществах подчеркивается важность регулярного посещения собраний. Существует правило-рекомендация «90 на 90» для новичков — посетить 90 собраний за 90 дней. Регулярное обращение на собраниях к темам, связанным с идеологией программы, обусловлена установкой, согласно которой ослабление усилий по противостоянию болезни увеличивает вероятность «сползания» к прошлому и «срыва»: «*Необходимо ходить, иначе энтузиазм пропадает... Не ходишь — теряется что-то... появляется ощущение, что программа — фигня, а когда придешь, понимаешь, что программа работает*» [И. VIII, АС]; «*Хожу, чтобы не забывать знания*» [И. VII, АС].

Таким образом, регулярные собрания и другие виды интерактивных ритуалов сообществ образуют «цепочки» интерактивных ритуалов и интерактивную «плотность», обеспечивая непрерывность взаимодействия с идеологией и символами сообщества.

Заключение

Используемый в статье подход позволяет исследовать взаимосвязь и отношения интерактивного, дискурсивно-нарративного, коммуникативного и эмоционального аспектов группового собрания и его роль в принятии идеологии и трансформации идентичности членов «анонимных» сообществ.

С точки зрения нарративного подхода, сообщества взаимопомощи являются «нормативными нарративными организациями» (Rapaport 1993), а свидетельством формирования новой идентичности и личностных изменений участников становится включение группового нарратива в личную историю члена сообщества. Однако нарративный анализ не затрагивает вопросы социальных ситуаций, контекста, условий и факторов, которые обуславливают конструирование новой индивидуальной истории, в которой отражен нарратив сообщества. С позиции теории интерактивных ритуалов, этому предше-

стует интернализация группового культурного капитала и коллективных символов, которые ассоциируются с сообществом, становятся частью дискурса и используются для реинтерпретации индивидуального опыта, состояний и биографических ситуаций. Регулярные групповые взаимодействия способствуют трансляции и формированию культурного капитала — комплекса понятий и представлений программы и эмоциональной энергии — чувства солидарности, энтузиазма. Культурный капитал и эмоциональная энергия, которые возникают и усиливаются в ходе интерактивного процесса через общий фокус внимания, эмоциональный настрой и ритмическую синхронизацию, стимулируют трансформацию идентичности участников и принятие программной идеологии. Групповые собрания, в которых центром внимания участников являются программные представления, понятия и установки, служат их когнитивной реактуализации и эмоциональной «перезарядке». Члены сообществ отмечают, что в повседневной жизни обращаются к этим коллективным символам — «молитве о душевном покое», положениям, цитатам, девизам программы и т. д. Это свидетельствует о том, что они используют их как когнитивные схемы интерпретации и оценки ситуации, новое знание и основания действия.

Литература и источники

Алкоголики о себе: Сборник биографических рассказов выздоравливающих алкоголиков и статей специалистов / Серия «Путь к новой жизни». М.: Информационно-издательский центр Информ—12, 1997.

Анонимные Алкоголики (а) // Социологические исследования, 1991, 1, с. 135–141.

Анонимные Алкоголики (б) // Социологические исследования, 1991, 3, с. 114–122.

Анонимные Алкоголики (в) // Социологические исследования, 1991, 4, с. 151–155.

Анонимные Алкоголики (г) // Социологические исследования, 1991, 5, с. 123–132.

Анонимные Алкоголики (д) // Социологические исследования, 1991, 6, с. 134–139.

Бейтсон. Г. Кибернетика «Я»: теория алкоголизма // Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: «Смысл», 2000. с. 331–358.

Как это работает? Narcotics Anonymous World Services, Inc., 2001. [<https://www.na.org/admin/include/spaw2/uploads/pdf/ips/ru/RU-how.pdf>]. Дата обращения 15.11.2014.

Прозорова Ю.А. Macro-effect of microinteractions: the role of interaction rituals in network building (case studies of Narcotics Anonymous and Family Anonymous self-help groups) // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012, XV(5), с. 55–72.

Собрания сообщества АН: Что это такое? Narcotics Anonymous World Services, Inc., 2014 [<http://www.na.org/admin/include/spaw2/uploads/pdf/ips/ru/RU3129.pdf>]. Дата обращения 15.11.2014.

Antze P. The Role of Ideologies in Peer Psychotherapy Organizations: Some Theoretical Considerations and Three Case Studies, *Journal of Applied Behavioral Science*, 1976, 12(3), pp. 323–346.

Cain C. Personal Stories: Identity Acquisition and Self-Understanding in Alcoholic Anonymous, *Ethos*, 1991, 19(2), pp. 210–253.

Collins R. *Theoretical Sociology*. San Diego: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1988.

Collins R. Stratification, Emotional Energy and the Transient Emotions, in: *Research Agendas in the Sociology of Emotions*. T. Kemper (ed.). State University of New York Press, 1990, pp. 27–58.

Collins R. Emotional Energy as Common Denominator of Rational Choice, *Rationality and Society*, 1993, 5(2), pp. 203–230.

Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Collins R., Hanneman R. Modeling the Interaction Ritual Theory of Solidarity, in: *The Problem of Solidarity: Theories and Models*, P. Domian and T. Fararo (eds). Amsterdam: Gordon and Breach Publishers, 1998, pp. 213–237.

Denzin K.N. *The Alcoholic Society: Addiction and Recovery of the Self*. Transaction Publisher, 2009 [1993].

Galanter M. Spirituality and Recovery in 12-step Programs: An Empirical Model, *Journal of Substance Abuse Treatment*, 2007, 33, pp. 265–272.

Goffman E. *Interaction Ritual. Essays on Face-to-face Behavior*. New York: Doubleday, 1967.

Humphreys K. Community Narratives and Personal Stories in Alcoholics Anonymous, *Journal of Community Psychology*, 2000, 28(5), pp. 495–506.

Jones R.K. Sectarian Characteristics of Alcoholics Anonymous, *Sociology*, 1970, 4(2), pp. 181–195.

Kelly J. Self-Help for Substance-Use Disorders: History, Effectiveness, Knowledge Gaps, and Research Opportunities, *Clinical Psychology Review*, 2003, 23(5), pp. 639–663.

Kissin W., McLeod C., McKay J. The Longitudinal Relationship between Self-Help Group Attendance and Course of Recovery, *Evaluation and Program Planning*, 2003, 26, pp. 311–323.

Kurtz L.F. The Self-Help Movement: Review of the Past Decade of Research, *Social Work with Groups*, 1990, 13(3), pp. 101–115.

Levine M. An Analysis of Mutual Assistance, *American Journal of Community Psychology*, 1988, 16(2), pp. 167–188.

Prezioso F.A. Spirituality in the Recovery Process, *Journal of Substance Abuse Treatment*, 1987, 4(3-4), pp. 233–238.

Rafalovich A. Keep Coming Back — Narcotics Anonymous Narrative and Recovering-Addict Identity, *Contemporary Drug Problem*, 1999, 26(1), pp. 131–157.

Rappaport J. Narrative Studies, Personal Stories, and Identity Transformation in the Mutual Help Context, *Journal of Applied Behavioral Science*, 1993, 29(2), pp. 239–256.

Roberts L.J., Luke D.A., Rappaport J., Seidman E., Toro P.A., Reischl T.M. Charting Uncharted Terrain: A Behavioral Observation System for Mutual Help Groups, *American Journal of Community Psychology*, 1991, 19(5), pp. 715–737.

Ronel N. Narcotics Anonymous: Understanding the Bridge of Recovery, *Journal of Offender Rehabilitation*, 1998, 27(1/2), pp. 179–197.

Rudy D.R., Greil A.L. Is Alcoholics Anonymous a Religious Organization?: Meditations on Marginality, *Sociology of Religion*, 1989, 50(1), pp. 41–51.

Summers-Effler E. The Micro Potential for Social Change: Emotion, Consciousness, and Social Movement Formation, *Sociological Theory*, 2002, 20(1), pp. 41–60.

Swora M.G. The Rhetoric of Transformation in the Healing of Alcoholism: the Twelve Steps of Alcoholics Anonymous, *Mental Health, Religion and Culture*, 2004, 7(3), pp. 187–209.